

— Сейчас я уже достаточно силен, чтобы защитить тебя, любимая наложница. Отныне тебе больше не придется оставаться в Холодном дворце, я дарю тебе высшую честь.

Чу Чжи, тронутая до слез, с чувством воскликнула:

— Ваше Величество!

Не успела она договорить, как Сы Цзюэ внезапно тяжело вздохнул.

— Любимая, я... ох, — он снова вздохнул и отвернулся. Чу Чжи, прекрасно понимая свою роль, тут же спросила: — Ваше Величество, что вас тревожит? Неужели случилось что-то, что поставило вас в затруднительное положение?

Сы Цзюэ изобразил на лице такую муку, что Чу Чжи заволновалась еще сильнее:

— Ваше Величество, что же произошло? Если я могу хоть чем-то помочь, я готова приложить все усилия.

Сы Цзюэ только этого и ждал, но показывать свою радость было нельзя. Он притворился, будто глубоко тронут её словами:

— Любимая, то, что ты так думаешь, уже великое счастье для меня. Но я ни за что не позволю тебе ввязываться в эту грязную игру. Я смогу защитить тебя, в конце концов, к черту этот трон, я готов отказаться от власти, лишь бы быть с тобой.

Этот образ преданно влюбленного еще сильнее растрогал Чу Чжи:

— Ваше Величество, прошу, расскажите, что происходит? Позвольте мне разделить ваши заботы, умоляю.

— Ох, это долгая история. Я хочу сделать тебя императрицей, но мой старший брат, опираясь на власть, оставленную ему отцом перед смертью, наотрез отказывается соглашаться. Он даже называет тебя порочной наложницей и хочет убить. Не бойся, любимая, я уже всё решил: пусть я лишусь трона, но я уберегу тебя от любой беды.

Сы Цзюэ произносил эти высокие слова с таким праведным видом, что казалось, будто он даже не краснеет, сочиняя ложь. И самому ему не было противно.

Чу Чжи задумалась на мгновение, а затем произнесла слова, которые привели Сы Цзюэ в полный восторг:

— Ваше Величество, у меня есть план. Ваш брат никогда не видел меня в лицо. Что, если я соблазню его и при удобном случае убью? Только вот... боюсь, что вы потом будете презирать меня...

Чу Чжи подняла взгляд, её прекрасные глаза были полны нежности, а в уголках блестели

слезы. Она протянула свою тонкую, изящную руку и коснулась красивого лица Сы Цзюэ. В глубине её глаз скрывался едва заметный страх, но ради любимого она была готова идти до конца.

Сы Цзюэ крепко сжал её руку:

— Любимая, твоя жертва ради нашего будущего — как я могу презирать тебя? Я буду любить тебя вечно.

В душе же он оставался холоден и уже решил, что, как только она выполнит задание, он убьет её.

— Хозяйка, письмо из дворца.

Ань И опустился на колени, почтительно протягивая запечатанный конверт. Сы Тинмо бросил на него взгляд, небрежно отложил кисть в сторону и взял письмо. Прочитав его, он не выразил никаких эмоций, лишь приказал Ань И сжечь послание.

— В эти дни столько дел, совсем не было времени побыть с Цинцин. Ань И, вели слугам приготовить паланкин, я уезжаю из поместья.

После восхождения на престол дел станет невпроворот, нужно воспользоваться этими днями, чтобы больше времени провести с Цинцин.

— Слушаюсь, хозяин.

Власть так дурманит. Кем бы ни был человек, каждый жаждет взойти на этот трон.

— Цинцин, всё идет по плану.

Слова 001 заставили Цин, отдыхавшую на кушетке, открыть глаза.

— О, правда?

Цин встала и посмотрела в окно на оживленную Столицу.

— 001, посмотри, красиво?

001 долго смотрело, но так и не поняло, что именно здесь красивого. Оно честно покачало головой:

— Цинцин, о чем ты?

— О суете. О суете Столицы.

— Цинцин.

Сы Тинмо с обожанием смотрел на свою возлюбленную. Её нежная кожа, тонкие, как побеги лука, пальцы, губы, подобные алым плодам, каждое движение и улыбка волновали его сердце. Она была облачена в легкие белые одежды, сквозь которые просвечивал узор из цветков сливы, и казалась такой хрупкой и желанной.

— М? — Цин лениво подняла глаза и посмотрела на него. Лодка рассекала воды реки, заросшей лотосами, беседки на берегу постепенно удалялись, а заходящее солнце мягко освещало их спины.

— Цинцин, ты любишь меня? — Сы Тинмо упрямо смотрел на неё, словно не собирался отступать, пока не получит ответ.

Цин улыбнулась и переадресовала вопрос ему самому:

— А как ты думаешь?

Сы Тинмо, словно обезумев, крепко обнял её, не желая отпускать. Он прошептал ей на ухо:

— Цинцин, я правда очень люблю тебя. Ради тебя я готов на всё, даже умереть.

— Ты ведь знаешь, правда?

Голос Цин звучал то ближе, то дальше. Сы Тинмо, не желая смотреть правде в глаза, покачал головой:

— Нет, я ничего не знаю. Я ничего не знаю.

Цин слегка оттолкнула его, и Сы Тинмо послушно разжал объятия.

— Ты должен знать, — сказала она. Её взгляд пронзил сердце Сы Тинмо, словно нож. Он отчаянно замотал головой, будто это могло помочь ему обмануть самого себя.

— Цинцин, я верю всему, что ты говоришь. Пожалуйста, обмани меня, хорошо? Мне больше ничего не нужно, просто обмани меня перед смертью, ладно?

Возможно, эта покорность тронула Цин, а может, показалась ей забавной. Она кивнула:

— Хорошо. Если тебе так нужна эта фальшивая радость, то до самой смерти я буду тебя обманывать.

Она провела тонкими пальцами по его щеке, стирая слезы:

— Умница, не плачь. В следующей жизни не встречай меня больше.

Сы Тинмо нежно рассмеялся и покачал головой:

— В следующей жизни я снова буду преследовать тебя.

Его слова вызвали у Цин недоумение. Почему? Человеческие чувства так сложны. Сы Тинмо заметил её замешательство, но не стал ничего объяснять, лишь сказал:

— Я надеюсь, что ты всегда будешь такой, и никогда не поймешь, что такое чувства.

— 001, что такое человеческие чувства? — Цин не получила ответа от Сы Тинмо, но и не торопилась, ведь всегда можно было спросить 001.

— Не знаю. Знаю только, что очень люблю Цинцин.

Способность 001 вставлять свои пять копеек в любой момент была поразительной. Его слова не только не прояснили ситуацию, но лишь запутали Цин еще больше.

Будучи божеством, рожденным в Хаосе, она узнала об этом мире лишь с появлением 001. Никто не учил её чувствам, да ей это было и не нужно. Ей достаточно было просто наслаждаться: все любили её, исполняли любые прихоти, а ей оставалось лишь играть с этим миром.

— Возвращаемся, я устала.

Сы Тинмо послушно повел лодку к берегу. В свои последние дни он хотел посвятить всё время своей возлюбленной. Пусть это станет его единственным желанием на остаток жизни.

Цин смотрела вдаль, и в её ушах прозвучал тихий голос 001:

— Цинцин, ты полюбила его?

В его тоне сквозила плохо скрываемая тревога и страх. Оно не хотело, чтобы Цин полюбила его. Оно предпочло бы, чтобы она оставалась такой же, как сейчас — спокойной, как застывшая вода, не питающей чувств ни к кому и никого не ставящей ни во что.

<http://bllate.org/book/21565/2220393>